

Чжан Жоюань был весь в грязи. Ван Чанцзинь несколько раз ходил за водой, чтобы как следует его отмыть, а затем облачил в чистые одежды.

Чжан Жоюань был крайне истощен и, едва омывшись, сразу провалился в тяжелый сон. Однако ночью у него внезапно поднялся жар, началась рвота. Ван Чанцзинь, вскочив от испуга, бросился к нему, но застал его, когда тот уже изверг много желчи.

Другие слуги спали крепким сном, и, даже если они слышали шум, предпочли сделать вид, что ничего не происходит. Ван Чанцзинь поспешно набрал воды, чтобы обтереть Чжан Жоюаня от скверны. Его сердце разрывалось от тревоги, и крупные капли слез срывались с лица прямо на постель.

Всю дорогу он опасался, что его господин заболеет, но в пути всё обошлось. Как же вышло, что, добравшись до места, тот всё-таки слег?

Ван Чанцзинь в страхе смахнул слезы рукавом и сдавленным голосом прошептал:

— Господин, подождите, я сейчас же отправлюсь за лекарем. Вы обязательно должны дождаться моего возвращения.

Ван Чанцзинь выбежал во двор и принялся стучаться в каждый дом, но кто станет подниматься посреди глубокой ночи, чтобы идти к больному? Тем более что у самого Ван Чанцзиня не было ни единой медной монеты.

Наньлин был местом гиблым, глухим, а лекарей на всю округу всего два-три, и никто из них не захотел протянуть руку помощи. Возвращаясь обратно, Ван Чанцзинь отчаялся: он опустился на землю и, обхватив голову руками, зарыдал.

Чего им стоило благополучно добраться до Наньлина? Сколько испытаний они прошли по пути! А теперь, когда они наконец здесь, он вынужден смотреть, как его господин мучается от болезни, не имея возможности даже позвать врача.

Утирая слезы, Ван Чанцзинь вернулся в дом. Чжан Жоюань лежал, закрыв глаза, дыхание его было едва уловимым. Ван Чанцзинь звал его несколько раз, но не получил ответа.

Страх сковывал сердце Ван Чанцзиня: он смертельно боялся, что Чжан Жоюань не выдержит и покинет его. Теперь, кроме Чжан Жоюаня, у него никого не осталось. Если господин умрет, как он, одинокий человек, выживет в этом огромном, чужом Наньлине?

Чжан Жоюань покрылся холодным потом, лицо его исказилось от боли. Ван Чанцзинь принялся обтирать его влажным полотенцем. Когда он дошел до предплечья, то заметил красную нить, обвязанную вокруг запястья, на которой болталась золотая подвеска. Это был толстенький кролик, свернувшийся в аккуратный комочек, словно присел отдохнуть.

Ван Чанцзинь уже видел эту вещицу. В пути, во время ссылки, Чжан Жоюань часто доставал её, подолгу смотрел, ничего не делая, а затем бережно повязывал обратно и прятал в рукаве. Тогда Ван Чанцзинь думал: интересно, кто подарил господину этот талисман, раз он так им дорожит?

Вспомнив, что лекари отказали из-за отсутствия денег, он подумал: этот золотой кролик наверняка стоит немало... По крайней мере, на лечение хватит.

Поколебавшись, Ван Чанцзинь стиснул зубы, сорвал подвеску с нити, крепко сжал её в ладони и бросился к выходу.

Однако, едва он вышел во двор, как столкнулся с Чжу Сы, который как раз встал по нужде. Увидев, что парень куда-то собрался глубокой ночью, Чжу Сы окрикнул его. Поправляя штаны после отхожего места, он грубо спросил:

— Что ты тут крадешься среди ночи? Замышляешь что-то?

Ван Чанцзинь, стоя спиной, замер, не отвечая. Чжу Сы нахмурился:

— Я к тебе обращаюсь, оглох?

Ван Чанцзинь сильнее сжал золотого кролика и хотел было броситься наутек, но Чжу Сы одним прыжком настиг его и мертвой хваткой вцепился в плечо. Он окинул парня подозрительным взглядом и, увидев сжатый кулак, спросил:

— Что там у тебя?

Ван Чанцзинь попытался вырваться:

— Не твоё дело.

Чжу Сы усмехнулся:

— Неужто украл что-то из поместья и решил сбежать?

— Я ничего не крал! — выпалил Ван Чанцзинь.

— Раз так, почему не показываешь? — Чжу Сы начал давить, пытаясь разжать пальцы парня.

Ван Чанцзинь не смог противостоять его силе. Ладонь раскрылась, и Чжу Сы, подхватив золотого кролика, присвистнул:

— О-о, посмотрите-ка. Говоришь, не крал? Откуда тогда эта вещь? И не вздумай сказать, что она твоя — посмотри на себя, разве ты похож на того, у кого водятся такие ценности?

— Отдай! — лицо Ван Чанцзиня покраснело от гнева, он попытался выхватить вещь, но Чжу Сы ловко спрятал руку за спину.

— Теперь это принадлежит мне. В знак благодарности я промолчу о том, что ты вор и пытался сбежать.

Ван Чанцзинь сорвался на крик:

— Я не воровал! Отдай мне!

Чжу Сы, который сначала скалился, от такой дерзости рассвирепел. Он ударил Ван Чанцзиня ногой в грудь, и, глядя, как тот повалился на землю, холодно произнес:

— Я еще давал тебе шанс выжить, а ты сам полез на рожон. Ты хоть знаешь, кто здесь хозяин? Плевать мне на твоего кролика! Да я хоть всё ценное с тебя сдеру — никто мне и слова против не скажет!

Бросив это, Чжу Сы принялся поглаживать золотую фигурку и с довольным видом зашагал прочь.

Ван Чанцзинь, с трудом сев на землю, заливаясь слезами, кричал вслед:

— Верни! Верни мне мою вещь!

В конце концов, подавленный горем, он вернулся в свою каморку. Достав из свертка нефритовый гребень, который мать отдала ему перед смертью, он прижал его к груди и зарыдал.

Этот гребень был их главной семейной ценностью, единственным свадебным даром отца. Мать берегла его как зеницу ока и никогда не пользовалась, лишь перед кончиной достала его. Тогда, когда руки женщины уже так дрожали, что не могли удержать гребень, она попросила Ван Чанцзиня расчесать ей волосы.

Ван Чанцзинь плакал, расчесывая редкие пряди, и слезы исчезали в когда-то черных волосах матери.

Она тогда сказала: «Чанцзинь, я ухожу, и у меня нет для тебя ничего, кроме этого гребня. Это самое дорогое, что у нас есть. Береги его, и если когда-нибудь случится беда, от которой не будет спасения, продай его».

Ван Чанцзинь, захлебываясь слезами, отвечал: «Мама, я буду беречь его, я никогда его не продам».

«Глупый ребенок, как бы дорога ни была вещь, это всего лишь вещь. Для меня важнее всего ты. Ты ведь обещал маме, что будешь жить, так что не жалея ни о чем, когда придет время».

Её слова всё еще звучали у него в ушах. Тогда он был уверен: даже если придется умереть, он не расстанется с единственной памятью о матери. Но кто бы мог подумать, что в итоге ему всё-таки придется её заложить.

— Прости меня, мама... Прости. Как только у меня появятся деньги, я обязательно выкуплю его обратно. Прости...

Ван Чанцзинь, всхлипывая, обернул гребень тканью, бережно завернул и вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/21904/2275530>